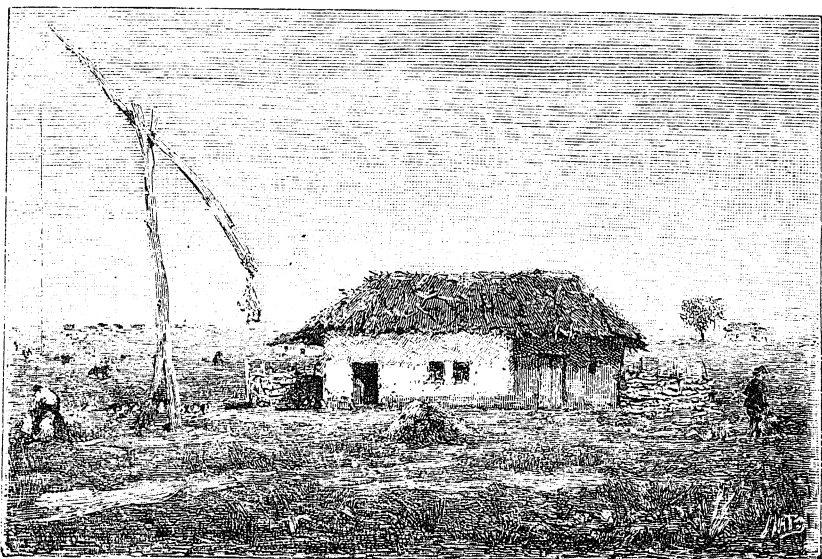

141.
309.

ОЧЕРКИ,

НАБРОСКИ, ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Верещагина.

Съ рисунками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія, (А. Бенке),
по Фонтанскъ, № 99.

1883.

307
ОЧЕРКИ,

НАБРОСКИ, ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Верещагина.

Съ рисунками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке),
по Фонтанеѣ, № 99.

1883.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ.

І.

... Для начала нѣсколько словъ о невольничьихъ караванъ-сараяхъ и торговлѣ рабами. Правда, что ни невольничьихъ караванъ-сараевъ, ни торговли рабами теперь ужъ не существуетъ въ Ташкентѣ, тѣмъ не менѣе, сказать кое что, по этому поводу, будетъ, думаю, неизлишне и небезынтересно. Зданія для этой торговли въ городахъ Средней Азіи устраиваются такъ-же, какъ и всѣ караванъ-сарай; только раздѣляются они на большее число маленькихъ клѣтушекъ, съ отдѣльною дверью въ каждую; если дворъ большой, то посрединѣ его навѣсъ для вьючнаго скота; тутъ-же, большею частью, помѣщается и продажный людъ, между которымъ мало-надежные привязываются къ деревяннымъ столбамъ навѣса. Народу всякаго на такихъ дворахъ толкается обыкновенно много: кто покупаетъ, кто просто глазѣетъ.

Покупающій разспроситъ *товаръ*: что онъ умѣетъ дѣлать, какія знаетъ ремесла и т. п. Затѣмъ, поведетъ въ каморку и тамъ при хозяинѣ осмотритъ, нѣтъ-ли какихъ-нибудь тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзней. Женщины молодыя, большею частью, на дворѣ не выставляются, а смотрятся въ каморкахъ и осматриваются не самимъ покупателемъ, а опытными пожилыми знахарками.

Цѣны на людей, разумѣется, различны, смотря по времени и большому или меньшему приливу „товара“. Подъ осень, обыкновенно, торгъ этотъ идетъ шибче, и въ городѣ Бухарѣ, напримѣръ, подъ это время, въ каждомъ изъ десятка имѣющихся тамъ неволь-

Торговецъ рабами.

ничьихъ караванъ-сараевъ бываетъ, какъ мнѣ говорили, отъ 100 до 150 человѣкъ, выставленныхъ на продажу. Такъ какъ больше всего доставляютъ рабовъ Средней Азіи несчастныя, смежныя съ туркменскими племенами персидскія границы, то удачи или неудачи охотничьихъ подвиговъ туркменцовъ, въ этихъ мѣстахъ,

главнымъ образомъ, устанавливають цѣну на рабовъ въ Хивѣ, Бухарѣ и въ Коканѣ; но иногда войны и неизбѣжныя при этомъ обращенія въ рабство всѣхъ плѣнныхъ, если они не мусульмане сунитскаго толка (въ противномъ случаѣ, захватъ и перепродажа всѣхъ рабовъ побѣжденной стороны), значительно и разомъ на всѣхъ этихъ рынкахъ измѣняютъ цѣны: въ такихъ случаяхъ человѣкъ идетъ за очень дешовую цѣну — за нѣсколько десятковъ рублей, иногда даже за 10 рублей.

Вообще, мужчинъ въ продажѣ гораздо больше, чѣмъ женщинъ, между прочимъ, потому, что туркмены, продавая охотно мужчинъ, больше удерживаютъ у себя женщинъ. Красивая молодая женщина стоитъ очень дорого, рублей до 1,000 и болѣе.

Въ хорошей цѣнѣ также стоятъ хорошенькіе мальчики: на нихъ огромный спросъ во всю Среднюю Азію. Мнѣ случалось слышать рассказы бывшихъ рабовъ персіянъ о томъ, какъ маленькіе еще они были захвачены туркменами: одни, въ полѣ на работѣ, вмѣстѣ съ отцомъ и братьями, другіе, просто на улицѣ деревни, среди бѣлаго дня, при безсильномъ воѣ и крикѣ трусливаго населенія. Исторіи слѣдующихъ, затѣмъ, странствованій, перехода этихъ несчастныхъ изъ рукъ разбойника туркменца въ руки торговца рабами и отсюда въ дома купившихъ ихъ крайне печальны, и нельзя не порадоваться, что, благодаря вмѣшательству русскихъ, этотъ грязный омутъ сталъ видимо прочищаться.

Вліяніе русское на торговлю рабами сказалось въ трехъ наиболѣе выдающихся фактахъ: во первыхъ, вообще уменьшилось число рабовъ, потому что во всей присоединенной къ Россіи странѣ они сдѣлались свободными; во вторыхъ, вообще уменьшился спросъ на новыхъ рабовъ, потому что во всѣ эти новопріобрѣтенныя страны нѣтъ болѣе сбыта ихъ, а въ такіе города, какъ Ташкентъ, Ходжентъ и другіе, сбытъ ихъ былъ немалъ; втретьихъ, торговля эта значительно упала, уменьшилась въ размѣрѣ и во всѣхъ сосѣднихъ варварскихъ государствахъ Средней Азіи, по тому простому и нелишнему смыслу предположенію, что русскіе, не сегодня-завтра, могутъ пожаловать въ каждый изъ нихъ, и такъ какъ въ каж-

домъ изъ нихъ хорошо знаютъ, что рабовъ русскіе немилосердно освобождаютъ, то и всѣ покупки и сдѣлки этого рода принимаютъ теперь малонадежный, неблагодарный видъ.

Но не одни только, такъ сказать, официальные рабы вздохнули теперь свободнѣе: всякаго рода бѣдность и загнанность начинаютъ смѣло смотрѣть въ глаза капиталу, знати, могуществу, чувствующимъ отъ того немалое смущеніе.

А другой сортъ рабовъ, который не поименованъ такъ обидно ни въ одномъ учебникѣ, но который, тѣмъ не менѣе, представляетъ самый ужасный видъ невольничества — матери, жены, дочери средне-азиатскихъ дикарей, развѣ не испытываютъ медленнаго, но неотразимаго вліянія на ихъ положеніе и судьбу кяфирскихъ („кяфиръ“ — невѣрный) законовъ и всѣхъ кяфирскихъ порядковъ? Безъ сомнѣнія, да, и чтобъ не ходить далеко, достаточно послушать осторожныя, но горькія жалобы, которыя изливаетъ въ бесѣдѣ со мною, хозяинъ моего дома, старикъ аксакаль. „Послѣдніе дни приходятъ!“ говоритъ онъ и машетъ отчаянно рукою. — Что такъ? — „Да какъ-же! чего-же еще ожидать, и жену свою мужъ не поучи: станешь бить — страшаетъ, что къ русскимъ уйдетъ“... Въ самомъ дѣлѣ, какъ не смутиться азіатцу, когда его собственность, его вещь, правильно приобрѣтенная, законно закабаленная, начинаетъ заявлять о какихъ-то своихъ правахъ и, прежде всего, о правѣ не быть по произволу битою! какъ не огорчиться такимъ расколомъ и какъ не угадать виновниковъ всей этой ереси!..

О незаслуженно-униженномъ положеніи восточной женщины было уже говорено не мало многими множествомъ путешественниковъ, и здѣсь повторяютъ общихъ мѣстъ не буду; скажу только, что судьба женщины въ Средней Азіи, говоря вообще, еще печальнѣе судьбы ея сестры въ болѣе западныхъ странахъ, каковы Персія, Турція и другія. Еще ниже, чѣмъ у послѣднихъ, ея гражданское положеніе, еще сильнѣе замкнутость и отверженность отъ ея властителя-мужчины, еще тѣснѣе ограниченіе дѣятельности одною физическою, животною стороною, если можно такъ выразиться. Съ колыбели запроданная мужчиной, неразвитымъ, неразумнымъ

ребенкомъ взятая имъ, она, даже въ половомъ отношеніи, не живетъ полною жизнью, потому что къ эпохѣ сознательнаго зрѣлаго возраста уже успѣваетъ состарѣться, задавленная, нравственно ролью самки и физически, работою выючной скотины. Все умственное движеніе, все развитіе можетъ сказываться, поэтому, только въ самыхъ низшихъ проявленіяхъ человѣческаго ума — въ интригѣ, сплетнѣ и т. п., за то и удивляться нечего, что онѣ интригуютъ, сплетничаютъ...

Такое крайне униженное положеніе женщинъ составляетъ главную причину, между прочимъ, одного ненормальнаго явленія, какимъ представляется здѣшній „батча“. Въ буквальномъ переводѣ „батча“ — значитъ мальчикъ; но такъ какъ эти мальчики исполняютъ еще какую-то странную и, какъ я уже сказалъ, не совсѣмъ нормальную роль, то и слово „батча“ имѣетъ еще одинъ смыслъ, неудобный для объясненія.

Въ батчи-плясуны поступаютъ обыкновенно хорошенькіе мальчики, начиная лѣтъ съ восьми, а иногда и болѣе. Изъ рукъ неразборчивыхъ на способъ добыванія денегъ родителей, ребенокъ попадаетъ на руки къ одному, къ двумъ, иногда и многимъ поклонникамъ красоты, отчасти немножко и аферистамъ, которые, съ помощью старыхъ, окончившихъ свою карьеру плясуновъ и пѣвцовъ, выучиваютъ этимъ искусствамъ своего питомца и, разъ выученнаго, нянчатъ, одѣваютъ, какъ куклоку, нѣжатъ, холятъ, и отдаютъ за деньги на вечера желающимъ, для публичныхъ представленій.

Такія публичные представленія — „тамаша“, мнѣ случалось видѣть много разъ; но особенно осталось въ памяти первое мною видѣнное, бывшее у одного богатаго купца С. А.

„Тамаша“ даются почти каждый день въ томъ или въ другомъ домѣ города, а иногда и во многихъ разомъ, передъ постомъ главнаго праздника байрама, когда бываетъ наиболѣе всего свадебъ, сопровождающихся обыкновенно подобными представленіями. Тогда во всѣхъ концахъ города слышны стукъ, бубень и барабановъ, крики и мѣрные удары въ ладоши, подъ тактъ пѣнія и пляски батчи. Имѣвъ еще въ городѣ мало знакомыхъ, я просилъ С. А.

нарочно устроить „тамашу“ и разъ, позднимъ вечеромъ, по увѣдомленію его, что представленіе приготовлено и скоро начнется, мы, компанією въ нѣсколько человѣкъ, отправились къ нему въ домъ.

Въ воротахъ и передъ воротами дома мы нашли много народа; дворъ былъ набитъ биткомъ; только посерединѣ оставался большой кругъ, составленный сидящими на землѣ, чающими представленія зрителями; все остальное пространство двора — сплошная масса головъ; народъ во всѣхъ дверяхъ, по галлерейамъ, на крышахъ (на крышахъ больше женщины). Съ одной стороны круга, на возвышеніи, музыканты — нѣсколько большихъ бубенъ и маленькіе барабаны; около этихъ музыкантовъ, на почетное мѣсто усадили насъ, къ несчастью для нашихъ ушей. Дворъ былъ освѣщенъ громаднымъ нефтянымъ факеломъ, свѣтившимъ сильнымъ краснымъ пламенемъ, которое придавало, вмѣстѣ съ темнолазуревымъ звѣзднымъ небомъ, удивительный эффектъ сценѣ.

„Пойдемте-ка сюда“, шепнулъ мнѣ одинъ знакомый сартъ, подмигнувъ глазкомъ, какъ это дѣлается при предложеніи какого-нибудь запретнаго плода. — Что такое, зачѣмъ? — „Посмотримъ, какъ батчу одѣваютъ“. Въ одной изъ комнатъ, двери которой, выходящія на дворъ, были, скромности ради, закрыты, нѣсколько избранныхъ, большею частью изъ почетныхъ туземцевъ, почтительно окружали *батчу*, прехорошенькаго мальчика, одѣвавагося для представленія; его преображали въ дѣвочку: подвязали длинные волосы, въ нѣсколько мелкозаплетенныхъ косъ, голову покрыли большимъ свѣтлымъ шелковымъ платкомъ и потомъ, выше лба, перевязали еще другимъ узко сложеннымъ, ярко краснымъ. Передъ батчей держали зеркало, въ которое онъ все время кокетливо смотрѣлся. Толстый-претолстый сартъ держалъ свѣчку, другіе благоговѣнно, едва дыша (я не преувеличиваю), смотрѣли на операцію и за честь считали помочь ей, когда нужно что-нибудь подправить, поддержать. Въ заключеніе туалета, мальчику подчернили брови и рѣсницы, налѣпили на лицо нѣсколько смушекъ — *signes de beauté* — и онъ, дѣйствительно преобразовавшійся въ дѣвочку, вышелъ къ зрите-

лямъ, привѣтствовавшимъ его громкимъ, дружнымъ одобрительнымъ крикомъ.

Батча тихо, плавно началъ ходить по кругу; онъ мѣрно, въ тактъ тихо вторившихъ бубенъ и ударовъ въ ладоши зрителей выступалъ граціозно изгибаясь тѣломъ, играя руками и поводя головою. Глаза его, большіе, красивые, черные и хорошенькій ротъ имѣли какое-то вызывающее выраженіе, временами слишкомъ нескромное. Счастливы изъ зрителей, къ которымъ обращался батча съ такими многозначительными взглядами и улыбками, таяли отъ удовольствія и, въ отплату за лестное вниманіе, принимали возможно униженные позы, придавали своему лицу подобострастные, умильные выраженія. „Радость моя, сердце мое“, раздавалось со всѣхъ сторонъ, „возьми жизнь мою“, кричали ему, „она ничто передъ одною твоею улыбкою“ и т. п. Вотъ музыка заиграла чаще и громче; слѣдуя ей, танецъ сдѣлался оживленнѣе; ноги — батча танцуетъ босикомъ — стали выдѣлывать ловкія, быстрыя движенія; руки змѣями завертѣлись около заходившаго корпуса; бубны застучали еще чаще, еще громче; еще быстрѣе завертѣлся батча, такъ что сотни глазъ едва успѣвали слѣдить за его движеніями; наконецъ, при отчаянномъ трескѣ музыки и неистовомъ возгласѣ зрителей, воспослѣдовала заключительная фигура, послѣ которой танцоръ или танцовщица, какъ угодно, освѣжившись немного поданнымъ ему чаемъ, снова тихо заходилъ по сценѣ, плавно размахивая руками, раздавая улыбки и бросая направо и налево свои нѣжные, томные, лукавые взгляды.

Чрезвычайно интересны музыканты; съ учащеніемъ такта танца, они еще болѣе, чѣмъ зрители, приходятъ въ восторженное состояніе, а въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ даже всакиваютъ съ короточекъ на колѣни и до-нельзя яростно надрываютъ свои и безъ того громкіе инструменты. Батчу-дѣвочку смѣняетъ батча-мальчикъ, общій характеръ танцевъ котораго мало разнится отъ первыхъ. Пляска перемѣняется пѣніемъ оригинальнымъ, но и монотоннымъ, однообразнымъ, большею частью грустнымъ! тоска и грусть по миломъ, неудовлетворенная, подавленная, но восторженная любовь

и очень рѣдко любовь счастливая служить обыкновенными темами этихъ пѣсень, слушая которыя, туземецъ пригорюнится, а подчасъ и всплакнетъ.

Интереснѣйшая, хотя неофициальная и не всеѣмъ доступная часть представленія начинается тогда, когда официальная, т. е. пляска и пѣніе, окончилась. Тутъ начинается угощеніе батчи, продолжающееся довольно долго — угощеніе очень странное для мало знакомаго съ туземными нравами и обычаями. Вхожу я въ комнату во время одной изъ такихъ закулисныхъ сценъ и застаю такую картину: у стѣны важно и гордо возсѣдаетъ маленькій батча; высоко вздернувши свой носикъ и прищуря глаза, онъ смотритъ кругомъ надмѣнно, съ сознаниемъ своего достоинства; отъ него вдоль стѣнъ, по всей комнатѣ, сидятъ, одинъ возлѣ другого, поджавши ноги, на колѣняхъ, сарты разныхъ видовъ, размѣровъ и возрастовъ — молодые и старые, маленькіе и высокіе, тонкіе и толстые — все уткнувшись локтями въ колѣни и возможно согнувшись, умильно смотрятъ на батчу; они слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, ловятъ его взгляды, прислушиваются къ каждому его слову. Счастливецъ, котораго мальчишка удостоитъ своимъ взглядомъ и еще болѣе словомъ, отвѣчаетъ самымъ почтительнымъ, подобострастнымъ образомъ, скорчивъ предварительно изъ лица своего и всей фигуры видъ полнѣйшаго ничтожества и сдѣлавши *бату* (родъ привѣтствія, состоящаго въ дерганіи себя за бороду), прибавляя постоянно, для большаго уваженія, слово „таксиръ“ (государь). Кому выпадетъ честь подать что-либо батчѣ, чашку-ли чая или что-либо другое, тотъ сдѣлаетъ это не иначе, какъ ползкомъ, на колѣняхъ и непремѣнно сдѣлавши предварительно *бату*. Мальчишкѣ принимаетъ все это, какъ нѣчто должное, ему подобающее и никакой благодарности выражать за это не считаетъ себя обязаннымъ.

Я сказалъ выше, что батча часто содержится нѣсколькими лицами: десятью, пятнадцатью, двадцатью; все они наперерывъ другъ передъ другомъ стараются угодить мальчику; на подарки ему тратятъ послѣднія деньги, забывая часто свои семьи, своихъ женъ, дѣтей, нуждающихся въ необходимомъ, живущихъ впроголодь.

Политики въ опіумной лавочкѣ.

Календарханъ — пріютъ для нищихъ; мѣста, въ которыхъ эти пріюты выстроены, всегда полны тѣни и прохлады и принадлежатъ къ лучшимъ уголкамъ города.

По срединѣ двора возвышеніе, мѣсто для молитвы — непремѣнная принадлежность всякаго общественнаго мѣста. Далѣе, другое возвышеніе, болѣе просторное, по срединѣ котораго стоитъ низкое, бѣдное, грязное, убогое зданіе нищихъ, тутъ-же и засѣдающихъ, обыкновенно, вдоль стѣнъ и по платформѣ. Одни изъ нихъ разговариваютъ, другіе курятъ, пьютъ чай, а иной, налившись кукнару, спитъ въ растяжку.

Нищенство здѣсь сильно развито и хорошо организовано. Нищая компанія составляетъ родъ братства съ однимъ главою; глава этотъ потомокъ того святаго, который далъ организацію нищенствующему люду и закрѣпилъ за нимъ полученную отъ общества землю, даровую для всѣхъ желающихъ пристроиться на ней, сдѣлаться диваномъ. Домъ этого главы очень порядочный, непохожій на грязный домишко его подчиненныхъ, стоитъ тутъ-же близъ дороги, близъ спуска съ городской улицы на площадку календархана. Я нѣсколько разъ хотѣлъ повидаться съ этимъ *тюрою* нищихъ (тюра — господинъ), поразспросить его хорошенько объ исторіи и времени основанія его *нищенствующаго ордена*, но его постоянно не было дома: одинъ разъ говорили, что тюра въ Чемкентѣ, другой разъ въ Ходжентѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ; дѣло въ томъ, что, будучи главою нищаго братства, онъ живетъ то въ томъ, то въ другомъ изъ нихъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ году: собираетъ съ своихъ подчиненныхъ доходы, судить и рядить ихъ, если нужно. Доходовъ собираетъ онъ, надобно думать, немало, потому что каждый диванъ обязанъ ежедневно внести ему все полученное имъ въ продолженіи дня, исключая того, что нужно себѣ на пищу и необходимую одежду.

Въ официальные нищіе, диваны, можетъ поступить всякій желающій, всякій предпочитающій бродяжество работѣ; холостые, большую частью, живутъ вмѣстѣ въ календарханахъ, женатые отдѣльными

домами; мѣ указывали семейства, въ которыхъ дѣдъ, отецъ и внукъ — диваны.

Поступающій въ общество календарей получаетъ нѣкотораго рода форму: ему выдается особаго вида шапка краснаго цвѣта, расшита шерстью, снизу опушенная бараньимъ мѣхомъ, широкой поясъ, чашка изъ тыквы, въ которую собираются куски говядины и жирнаго риса, безцеремонно опускаются и мѣдныя чеши (чеха $\frac{1}{3}$ копейки); остальная одежда дивана хотя принадлежитъ ему самому, но дѣлается по извѣстному, принятому образцу: халатъ долженъ непременно имѣть видъ одежды, покрытый заплатами, и есть мастера творить удивительно пестрыя, бросающіяся въ глаза, отъ разнообразія заплатокъ, одѣянія.

У дивана есть всегда старое будничное платье, въ которомъ онъ ежедневно ходитъ: это сплошная масса лохмотьевъ, въ которыхъ, что называется, *живого мѣста нтъ*; другое праздничное, надѣваемое въ торжественные дни, все составленное изъ расположенныхъ въ живописномъ безпорядкѣ, одна возлѣ другой, пестрыхъ, разноцвѣтныхъ, новенькихъ, недавно выпрошенныхъ на базарѣ лоскуточковъ: когда видѣны и кусочекъ шелковой матеріи или сукна, а больше ситца, которыхъ образчики русскаго и туземнаго производства не на шутку конкурируютъ на плечахъ дивана прочностью и цвѣтомъ.

— Зачѣмъ, это у тебя палочка? спрашивалъ я одного; у него былъ въ рукахъ тоненькій зеленый пруть, шкурка котораго была зоромъ вырѣзана.

— А когда я у кого-нибудь прошу милостыню, отвѣчалъ онъ:— да онъ меня не слушаетъ, такъ я этой палочкой тихонько и трону...

Каждый день утромъ нищая компанія расходится на промыселъ и вечеромъ опять всѣ собираются, сводятъ счоты, приходы, рассказываютъ видѣнное, слышанное, городскія новости и сплетни. По улицамъ и базарамъ постоянно встрѣчаются диваны, то въ одиночку, то цѣлою группой; первые вытягиваютъ *соло* своего лазаря, вторые ревутъ хоромъ; человѣкъ десять, пятнадцать, а иногда и

болѣе, всё, въ высокихъ мохнатыхъ шапкахъ, съ желтыми обрюзглыми физиономіями, апатично вытягиваютъ знакомыя слова, подхватываютъ ихъ за впереди стоящимъ запѣвалой, разбитнымъ жожакомъ всей компаніи; запѣвало этотъ выпѣваетъ такія штуки и такъ уморительно, что непривычному нельзя не размѣяться: заткнувши уши пальцами, нагнувшись корпусомъ впередъ, онъ весь надувается и какъ бы грозитъ лопнуть, если не дадутъ подаванія.

Вечеромъ диванъ возвращается въ свою грязную хату; форма, т. е. шапка и проч., снята; чашка, за вынугіемъ изъ нея собраннаго, отправляется въ уголь или на гвоздикъ, и святой мужъ садится къ огоньку, рассказываетъ, сплетничаетъ, слушаетъ другихъ, причомъ куритъ крѣпкій *наша*, попиваетъ чаекъ или и кукнаръ; отъ кукнара, сильно опьяняющаго, спитъ онъ крѣпко до утра, до новыхъ бродяжническихъ подвиговъ.

Почти всё диваны записные пьяницы, почти всё опиумоѣды. Кукнаръ и опиумъ принимаютъ дозами, раза по три, по четыре въ день—первый большими чашками, второй кусками; многіе, впрочемъ, готовы глотать тотъ и другой, сколько войдетъ, во всякую данную минуту.

Я скормилъ разъ одному цѣлую палку продажнаго на базарѣ опиума и не забуду, съ какою жадностью онъ глоталъ, не забуду и всей фигуры, всего вида опиумоѣда: высокій, до-нельзя блѣдный, желтый, онъ походилъ скорѣй на скелетъ, чѣмъ на живого человѣка; почти не слышалъ, что кругомъ его дѣлалось и говорилось, день и ночь мечталъ только объ опиумѣ.

Сначала онъ не обращалъ вниманія на то, что я говорилъ ему, не отвѣчалъ и, вѣроятно, не слышалъ; но вотъ онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ опиумъ—вдругъ лицо его прояснилось, до тѣхъ поръ безсмысленное, получило выраженіе: глаза широко раскрылись, ноздри раздулись, онъ протянулъ руку и сталъ шептать: дай, дай... Я не далъ сначала, спряталъ опиумъ—тогда скелетъ этотъ весь заходилъ, началъ ломаться, кривляться, какъ ребенокъ, и все умолялъ меня: дай бенгъ, дай бенгъ!.. (бенгъ—опиумъ). Когда я, наконецъ, подалъ ему кусокъ, онъ схватилъ его въ обѣ руки и, скор-

чившись у своей стѣнки, началъ грызть его потихоньку, съ наслажденіемъ, зажмуривая глаза, какъ собака гложетъ вкусную кость. Скоро онъ началъ какъ-то странно улыбаться, нашептывать безсвязныя слова; временемъ-же судорога передергивала и искривляла его лицо...

Онъ сгрызъ уже половину, когда близъ него сидѣвшій опиумодѣ, давно уже съ завистью смотрѣвшій на предпочтеніе, оказанное мною скелету, вдругъ вырвалъ у него остальное и въ одну секунду положилъ себѣ въ ротъ. Что сдѣлалось съ бѣднымъ скелетомъ? Онъ бросился на своего товарища, повалилъ его и началъ всячески теревить, бѣшено приговаривая: „Отдай, отдай, говорю!“ Я думалъ, что онъ ему выворотитъ скулу...

Календарханы не только пріюты нищихъ — это также нѣчто среднее между нашимъ кафе-рестораномъ и клубомъ: желающій покурить *наша*, или, еще болѣе, запретнаго опиума и стыдящійся или неимѣющій возможности заводить эти вещи дома — идетъ въ календарханъ; пьяница отводитъ свою душу кукнаромъ также въ календарханѣ; разныхъ новостей, какъ это можно себѣ представить, между бродягами-диванами, не переслушаешь; поэтому, народа всякаго, болтающаго, курящаго, пьющаго и спящаго всегда немало. Мнѣ случалось встрѣчать тамъ лицъ довольно почтенныхъ, которыя, впрочемъ, какъ бы стыдились того, что я русскій тюрка, заставлялъ ихъ въ компаніи опиумодѣдовъ и кукнарчей.

Между опиумодѣдами есть личности поразительныя; фізіономія каждаго изъ нихъ уже прямо говоритъ: *я опиумодѣ*; но тѣ, которые ѣдятъ его много и съ давнихъ поръ, особенно отличаются вялостью, неподвижностью всей фигуры, какою-то пугливостью всѣхъ движеній, мутнымъ, апатичнымъ взглядомъ, желтымъ цвѣтомъ лица и до-нѣльзя обрюзглымъ видомъ всей фізіономіи. Мнѣ говорили (и я имѣлъ случай провѣрить это на дѣлѣ), что опиумодѣ оказывается непремѣнно трусомъ.

Лѣтомъ жизнь этихъ людей далеко не горька: птицы божьи, они не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы — впрочемъ, вѣрнѣе сказать, только не сѣютъ и не собираютъ въ житницы;

жать-же, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, но жнуть и жнуть изрядно; отъ плодовъ этой жатвы, бравый диванъ исправно напается, напьется и, если время свободное, валяется, пока душа просить, въ тѣни деревьевъ.

Зимою бѣднякамъ приходится туже: какъ ни кутаются они въ свои дырявые халатишки, но, всетаки, мерзнуть и коченѣютъ, потому что зимы здѣсь бываютъ, сравнительно съ жарами лѣта, довольно холодны.

Пришедши разъ, довольно холоднымъ днемъ, въ календарханъ, я засталъ картину, которая врѣзалась въ моей памяти: цѣлая компанія нищихъ сидѣла тѣсно сжавшись вдоль стѣнъ; недавно, вѣроятно, приняла дозу опиума; на лицахъ тупое выраженіе; полуоткрытые рты нѣкоторыхъ шевелятся, какъ будто шепчуть что-то: многіе, уткнувши голову въ колѣни, тяжело дышать, изрѣдка передергиваются судорогами...

Близъ базара есть множество конуръ, въ которыхъ живутъ диваны, опиумоѣды: это маленькія, темненькія, грязныя, полныя разнаго сору и насѣкомыхъ каморки. Въ нѣкоторыхъ стряпается кукнаръ, и тогда каморка получаетъ видъ распивочной лавочки, постоянно имѣющей посѣтителей; одни, выпившіе въ мѣру, благополучно уходятъ, другіе, менѣе умѣренныя, сваливаются съ ногъ и спать въ повалку по темнымъ угламъ.

Кукнаръ—очень одуряющій напитокъ, приготовляемый изъ шелухи обыкновеннаго мака: шелуху эту разбиваютъ на мелкіе кусочки и кладутъ въ горшокъ съ водою, которую нагрѣваютъ; когда шелуха поразмокнетъ, ее выжимаютъ руками въ водѣ, дѣлающейя отъ этого красноватою, мутною и горькою; горечь кукнара такъ неприятна, что я не могъ никогда проглотить его, хотя не разъ былъ угощаемъ привѣтливыми диванами.

Въ подобныхъ-же конурахъ устраиваются лавочки и для куренія опиума; каморка такая вся устлана и обита циновками—и полъ, и стѣны, и потолокъ: курильщикъ ложится и тянетъ изъ кальяна дымъ отъ горящаго шарика опиума, который маленькими щипчиками придерживается другимъ, у отверстія кальяна. Оду-

реніе отъ куренія опіума едва-ли еще не сильнѣе, чѣмъ отъ приема его внутрь; дѣйствіе его можно сравнить съ дѣйствіемъ табака, но только въ гораздо сильнѣйшей степени; подобно табаку, онъ отнимаетъ сонъ, сонъ натуральный, укрѣпляющій; за то, говорятъ, онъ даетъ сны на яву, сны безпокойные, скоропроходящіе, галлюцинаціи, смѣняющіеся слабостью и разстройствомъ, но пріятные.

Едва-ли можно сомнѣваться, что въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени опіумъ войдетъ въ употребленіе и въ Европѣ; за табакомъ, за тѣми приемами наркотика, которые поглощаются теперь въ табакѣ, опіумъ естественно и неизбѣжно стоитъ на очереди.

II.

Чиназъ очень небольшое селеніе, неизвѣстно почему называющееся городомъ. Онъ расположенъ на возвышенномъ берегу бывшаго русла Чирчика, теперь почти пересохшаго, болотистаго и только мѣстами покрытаго камышомъ. Крѣпость чиназскую мы оставили влѣво и черезъ маленькій базарчикъ, тихій, не многолюдный, проѣхали въ указанный намъ единственный, кажется, постоянный дворъ нѣкоего Муллы-Фазиль, мѣстнаго торговца...

Прежде Чиназъ былъ многолюднѣе, теперь часть жителей его, особенно торгующихъ, переселилась въ новый Чиназъ, основанный русскими, нѣсколько верстъ впереди, при слияніи Чирчика съ Сыр-Дарьею, гдѣ построена и новая крѣпость, а здѣшняя оставлена. Крѣпость эта была занята русскими безъ боя, потому что гарнизонъ разсудилъ заблаговременно уйти. Мнѣ казалось, однако, что она въ другихъ рукахъ могла бы постоять за себя: стѣны, еще довольно крѣпкія, стоятъ на высокомъ валу, окруженномъ очень глубокимъ ровомъ; края стѣнъ, по обыкновенію зубчатыя, кое-гдѣ съ пробитыми бойницами. Въ срединѣ только груды развалинъ, между которыми бродила, что то отыскивая, цѣлая ватага мальчишекъ, какъ брызги разсыпавшаяся въ стороны при нашемъ приближеніи. Кирпичъ

и весь годный строительный материал выломаны и употреблены на постройку крепости и домов новаго Чиназа...

Сильный ураганъ, разразившійся въ этотъ день, 14-го (26-го) марта, задержалъ насъ въ этомъ мало интересномъ мѣстечкѣ до слѣдующаго утра: около 3-хъ часовъ послѣ полудня поднялся такой вихрь, что въ продолженіи нѣкотораго времени страшныя массы пыли скрывали отъ глазъ предметы даже въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, затѣмъ, пошелъ сильнѣйшій дождь, лившій всю ночь.

Я познакомился здѣсь, между прочимъ, съ способомъ выдѣлки масла изъ сѣмянъ хлопчатой бумаги, масла, которымъ Чиназъ, кажется, изобилуетъ: въ маленькой темной клѣткѣ стоитъ высокій срубъ съ углубленіемъ наверху, въ которое вставлено наклонно бревно; къверху бревна, съ помощью рычага, привѣшена значительная тяжесть которую вмѣстѣ съ ними ворочаетъ кругомъ ходящая лошадь; нагнетаемое тяжестью бревно давитъ сѣмена, и масло льется въ отверстіе сруба. Вся эта машина страшно громоздка и въ темной каморкѣ, вмѣстѣ съ скелетомъ кружащейся лошади, съ засаленнымъ работникомъ и производимымъ ею шумомъ, скрипомъ, дѣлаетъ впечатлѣніе чего-то крайне первобытнаго.

На другой день дорога оказалась размытою такъ, что лошади ступали съ трудомъ, а въ мѣстахъ, гдѣ она проходила чрезъ камыши, топка и небезопасна; вода, накопившаяся отъ сильнаго дождя въ этихъ камышахъ, сильными потоками лилась въ Чирчикъ.

Мѣстность около дороги, оживленная дождемъ, была ярко зелена отъ прекрасной травы. Киргизы пахали и борошили; пахутъ все тѣми-же незатѣйливыми сохами и передъ борошеніемъ разбиваютъ заступомъ большіе комья земли; борона — доска, двухъ аршинъ длины, при полуаршинѣ ширины, съ нѣсколькими желѣзными тычинками, привязанная цѣпью къ деревинѣ, идущей къ воловьему ярму; на доскѣ, для пригнетенія ея, стоитъ погонщикъ...

Новый Чиназъ смотритъ очень печально: крепостца маленькая, постройки малы, бѣдны и почти нѣтъ деревьевъ, что довольно странно видѣть вблизи двухъ рѣкъ; правда, при нѣкоторой возвышенности мѣста, относительно уровня воды, проводъ арыковъ, а съ

тѣмъ вмѣстѣ и разведеніе садовъ должны быть нѣсколько затруднительны, но породы ивовыя могли бы быть легко и скоро разведены. Здѣшняя ива при всякой водѣ принимается еще быстрѣе, чѣмъ наша, такъ что ее прозвали даже *безсовѣстною*; но при такомъ климатѣ, какъ здѣшній, нельзя гнущаться никакимъ, даже и безсовѣстнымъ деревомъ.

Поселеніе Чиназа стоитъ на самомъ берегу Сыр-Дарьи: въ немъ довольно большой базаръ съ торговцами, преимущественно изъ туземцевъ, такъ падкими на всякій барышъ, какъ бы онъ мелокъ ни былъ, и потому всегда во множествѣ прилѣпляющимися къ мѣсту, заселенному русскими...

Въ Сыр-Дарьѣ ловятся отлично осетры, сомы и другая рыба; но рыболововъ мало.

Я нашелъ въ Чиназѣ ташкентскаго знакомаго Ф., жившаго здѣсь по разбору какого-то весьма кляузнаго дѣла. Между прочимъ, онъ жаловался мнѣ на трудность что-либо дознавать, что-либо разбирать между туземцами.

По этому поводу приведу одинъ случай, рассказанный мнѣ здѣшнимъ комендантомъ Г** — случай вздорный, но довольно характерный. Приходить къ нему разъ киргизъ и жалуется, что такой-то укусилъ ему палецъ; обжалованный и спрошенный по этому поводу положительно объявляетъ, что онъ пальца не кусаль: какъ тутъ быть? „Покажи рану“; рана оказывается продольная, какъ отъ разрѣза ножа, и призванный докторъ рѣшаетъ, что она сдѣлана никакъ не зубами, а именно чѣмъ-нибудь въ родѣ ножа. Дѣло объяснилось такъ: жаловавшійся служить вмѣстѣ съ своимъ мнимымъ обидчикомъ въ Ташкентѣ, былъ разъ уличенъ имъ въ какомъ-то воровствѣ, за это наказанъ, и съ тѣхъ поръ питалъ къ нему такую злобу, что, по словамъ послѣдняго, въ состояніи былъ не только поранить палецъ, но и совѣмъ отрѣзать одинъ, два, три или сколько нужно, чтобъ только взвести на него клевету и напакостить, отмстить...

Раннимъ утромъ мы переправились чрезъ неширокій Чирчикъ на небольшомъ желѣзномъ баркасѣ; въ крутомъ берегу рѣчки я

видѣль какія-то отверстія и послѣ, отъ одного изъ сопровождавшихъ меня казаковъ, узналъ, что это ихъ зимовки; бѣдные воины не вѣроятно, покамѣсть лучшаго жилья. „Да вѣдь, поди-ка, тамъ худо жить вамъ?“ спрашиваю я его. — „Совеѣмъ худо“. — „А теперь и лѣтомъ, гдѣ же вы живете?—въ палаткахъ?“ — „Нѣтъ, такъ на вольномъ воздухѣ“. — „Какъ такъ? а вѣтеръ, дождикъ вѣдь мочить?“ — „Дождикъ помочить, а солнышко высушить“...

Мы ѣхали довольно низкимъ мѣстомъ; кое-гдѣ виднѣлись пашни, травы почти нѣтъ, а много камыша, отъ котораго видна была только одна, окружающая обыкновенно камышъ трава; отъ самаго камыша торчатъ только обгорѣлые остатки стебельковъ: камышъ ежегодно срѣзывается жителями и идетъ или на домашнее употребленіе, или на продажу: остатки же, для лучшаго роста, сжигаются.

Много посѣвовъ клевера, который родится здѣсь превосходно и снимается до пяти разъ въ годъ, а три раза соберетъ и лѣтний, какъ говорятъ.

Мы видѣли нѣсколько вспорхнувшихъ перепелокъ, и Б. рассказывалъ, что здѣсь ихъ очень много и что сарты и киргизы ловятъ ихъ и выкармливаютъ для дракъ, причемъ, разумѣется, держатся заклады. Не мало гордится владѣтель перепела, когда говорятъ, что питомецъ его побѣдилъ столько-то соперниковъ. Туземцы страстно любятъ эту забаву и въ состояніи цѣлые дни проводить за нею. Хорошо выдрессированная птица стоитъ очень дорого. „Я знаю—говорилъ Б.—нѣкоторыхъ хозяевъ перепеловъ, которые не возьмутъ и пятидесяти тиллей за штуку“ (тилля—четыре руб.).

Горныя куропатки ловятся и выкармливаются для той-же цѣли.

Сѣютъ здѣсь пшеницу, ямень, просо, горохъ, ленъ; изъ сѣмянъ льна жмутъ масло, вслѣдственно-же варвары употребляютъ на подтопку. Есть сарачинское пшено, но мало, потому что оно требуетъ большой и частой поливки: его много въ долину Ангрена и далѣе къ Тляу и къ Ходженту. Сѣютъ макъ, который идетъ въ пищу; изъ него дѣлаютъ родъ похлѣбки, а изъ скорлупы жмутъ *кунаръ*, хотя сильно хмѣльной и потому противный мусульманскому богу напитокъ, но неоговоренный кораномъ и потому веселящій сердца.

правовѣрныхъ туземцевъ безъ удрученія ихъ совѣсти. Впрочемъ, жители не брезгаютъ и винограднымъ виномъ, когда можно раздобыться имъ, и только болѣе совѣстливые изъ нихъ успокаиваютъ себя тѣмъ, что разбавляютъ вино своею *бузою* или, вѣрнѣе, въ водку и вино, дѣлаемое изъ винограда, подбавляютъ бузы: выходитъ и людямъ пріятно, и корану необходимо. Одинъ изъ провожавшихъ меня казаковъ, бывший при взятіи крѣпости Джузакъ, говорилъ мнѣ, что они нашли тамъ много вина и водки...

Въ одной большой деревнѣ *Ходжагентъ* мы остановились. Мужчины, болшею частью, были на работѣ, женщины - же цѣлыми семьями выскакивали посмотрѣть на *урусовъ*; нѣкоторыя боязливо выглядывали, спрятавшись за что-нибудь; другія, видя, что никого изъ своихъ мужчинъ нѣтъ, показывались смѣлѣе, улыбались, кивали головами и даже покрикивали: *аманъ* (аманъ—будь здоровъ)...

Лишь только мы помѣстились въ отведенномъ намъ домишкѣ, какъ на новоселье собралось къ намъ множество народа, стараго и малаго. Стали допытывать: кто я, куда и съ какою цѣлью ѣду?

Объяснять туземцу возможность существованія не прямо практической, а отвлеченной, научной или художественной цѣли — потерянное время: онъ не пойметъ этого, и потому, какъ я ни старался объяснить, что ѣду просто для того, чтобъ познакомиться съ краемъ, еще мало извѣстнымъ намъ, русскимъ, познакомиться съ жителями, съ ихъ житьемъ бытиемъ и потомъ, въ свою очередь, познакомить съ этимъ другихъ, живущихъ далеко отсюда — они не могли взять этого въ толкъ, и такъ, кажется, и остались въ убѣжденіи, что дѣло не совсѣмъ ладно, что ѣду я для какихъ-нибудь розысковъ.

Я спрашивалъ, между прочимъ, объ окрестностяхъ и о дорогахъ отсюда къ *Ходжагенту* и къ *Джузаку*, причемъ вынулъ карту, по которой смотрѣлъ называемыя ими деревни на пути. Карта эта возбудила всеобщее любопытство, а когда я по ней назвалъ окрестныя селенія и сказалъ, что могу по ней перечислить всѣ деревни и города, рѣки, горы и степи, не только Туркестанской Области, но и *Кокана* и *Бухары*, то удивленію не было границъ.

Случилось, въ разговорѣ о разныхъ разностяхъ, спросить, отъ

какихъ болѣзней терпитъ здѣсь всего болѣе народъ — говорятъ, что особенно отъ горячекъ и лихорадокъ; лихорадки бываютъ особенно часты въ пору поспѣванія плодовъ; противъ нихъ не знаютъ никакихъ средствъ; онѣ, говорятъ, рѣдко излечиваются совершенно и всегда, года чрезъ два или три, если не раньше, возвращаются и сказываются, хотя безъ прежней силы, безъ пароксизмовъ тряски, сильнымъ изнеможеніемъ и утратою бодрости на долгое время.

— Есть вотъ еще одинъ больной, говоритъ хозяинъ дома: — не знаемъ, какъ его лечить.

— Гдѣ, который?

— Да вотъ мой сынъ, и указываетъ на малаго лѣтъ пятнадцати, здороваго на видъ, краснощокаго.

Разспросивши, я понялъ, что это довольно обыкновенная болѣзнь, противъ которой кстати между нѣсколькими запасными въ дорогу лекарствами было у меня отличное средство. „Хорошо — говорю — я дамъ тебѣ лекарство, черезъ два или три дня ты будешь здоровъ“. Меня поблагодарили за это обѣщаніе, хотя не безъ видимаго недовѣрія, потому что болѣзнь была довольно упорная, продолжавшаяся уже около четырехъ мѣсяцевъ и туземному лекарству не поддавалась. Но вотъ на другой-же день больному моему, которому я предписалъ всѣ должныя предосторожности и діету; дѣлается лучше; на слѣдующій день болѣзнь совсѣмъ исчезаетъ. Молва объ этомъ немедленно же обходитъ всю деревню, а затѣмъ и всѣ сосѣднія; отовсюду начинаютъ являться за совѣтами и помощью. На мое несчастье, слѣдующій паціентъ также если не совсѣмъ выздоровѣлъ, то почувствовалъ облегченіе — это былъ мальчикъ изъ той-же деревни, на котораго жалко было смотрѣть; восемнадцати лѣтъ, очень миловидный, онъ года три уже, какъ не росъ болѣе и какъ-то сгорбился, покривился всѣмъ туловищемъ жаловался на стѣсненіе въ груди и сильное, давнее, періодически повторяющееся расстройство желудка.

Такъ далеко, чтобъ понять эту болѣзнь и, тѣмъ болѣе, помочь ей мои свѣдѣнія не простирались, и я откровенно сказалъ это отцу мальчика, предложивъ, впрочемъ, отъ расстройства желудка извѣст-

ныя, весьма безвредныя капли. Каково-же было мое удивленіе, когда, чрезъ нѣсколько дней пріема ихъ, малый мой объявляетъ, что и разстройство желудка прекратилось, и стѣсненіе въ груди уменьшилось. Разумѣется, результатъ былъ достигнутъ, благодаря воображенію пациента, а я въ немъ ни душой, ни тѣломъ не виновать; тѣмъ не менѣе, репутація моя, какъ человѣка опытнаго въ леченіи разныхъ болѣзней, упрочилась, и, къ немалому моему огорченію, ежедневно стало стекаться множество больныхъ. „Говорю къ немалому огорченію“, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ положеніе непріятное: отказать въ совѣтѣ нельзя, во-первыхъ, потому, что къ русскому доктору не пойдутъ, отчасти по недовѣрію, отчасти-же — и это главное — потому, что онъ не подъ рукою и леченіе его сопровождается издержками; во-вторыхъ, потому, что, по тѣмъ или другимъ резонамъ, обойдя науку, въ лицѣ ея посильнаго представителя ближайшаго русскаго поселенія, туземецъ необходимо обратится къ шарлатану, къ своему доморощенному уста, рѣдко совѣстливому, а большею частью только берущему деньги и подарки, пользы-же неприносящему. Когда я совѣтовалъ, на примѣръ, больному обратиться къ чиназскому доктору, говоря, что самъ помочь не могу, онъ уходилъ всегда, почесывая затылокъ, съ намѣреніемъ подождать немножко: „можетъ, и такъ пройдетъ“. Ужаснѣе всего то, что говоришь бывало: не знаю, не понимаю болѣзни, не имѣю лекарства, не могу помочь — не вѣрятъ: „мы слышали, говорятъ, что *твое лекарство* многихъ вылечило“.

Такъ или иначе, приводилось давать посильныя совѣты, состоявшіе, главнымъ образомъ, въ объясненіи пользованія водою, тренія, закутыванія въ мокрыя простыни и т. п., что для ревматическихъ болѣзней, удручавшихъ большую часть моихъ пациентовъ, было, разумѣется, далеко бесполезно.

Каждый день, бывало, раннимъ утромъ А. Н. уже зоветъ меня. „Да выйдите, пожалуйста. Страхъ, сколько ихъ пришло: всѣ просятъ *усту* повидать“ (уста — мастеръ, докторъ). Нѣкоторыхъ приносили на носилкахъ; другіе приходили звать въ свою деревню, къ больнымъ, которые не могутъ двигаться. Были и такіе, которые

просили заочно дать лекарство — это случалось большею частью, когда дѣло касалось женщинъ; говорить, объяснять, что болитъ то-то и то-то и просить какого-нибудь такого лекарства, чтобъ принять и выздороветь сейчасъ.

Въ одной сосѣдней деревнѣ показывали мнѣ разъ мальчика, лѣтъ двѣнадцати, тринадцати, котораго никогда не забуду. Его вынесли ко мнѣ на рукахъ, обложеннаго ватой, закутаннаго въ цѣлую массу тряпья; лицо его до нельзя пухлое и обезображенное, было блѣдно, какъ чистѣйшій бѣлый воскъ; вмѣсто глазъ какія-то гнойныя ранки; носъ провалившійся; вмѣсто рта, щелка, болѣе не закрывающаяся и неоткрывающаяся, сквозь которую видны мягкіе крошачіея зубы страшная гнойная болѣзнь на головѣ и на тѣлѣ. Мальчикъ, разумѣется, не двигался, почти ничего не ѣлъ и едва-едва говорилъ. — „Сколько ужъ нашихъ докторовъ лечило его — не могли вылечить“. — „Какъ-же они его лечили?“ — „Больше ргутью“. — „И много ее давали ему?“ — „Кто-жь его знаетъ, мы этого не знаемъ; кажется, *копъ* (копъ — много)“. — „Зачѣмъ-же вы позволяете глупымъ людямъ распоряжаться такъ вашими дѣтьми?“ говорю я отцу ребенка. — „Не знаю я — отвѣчаетъ онъ — мы люди темные; кто что посовѣтуетъ, то и дѣлаемъ; сами видимъ, что насъ обманываютъ, только чтобъ сорвать *селяу* (селяу — подарокъ); да что-же дѣлать-то? Вѣдь жаль ребенка, ну и слушаешь, что скажутъ“... Бѣдный мальчикъ этотъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

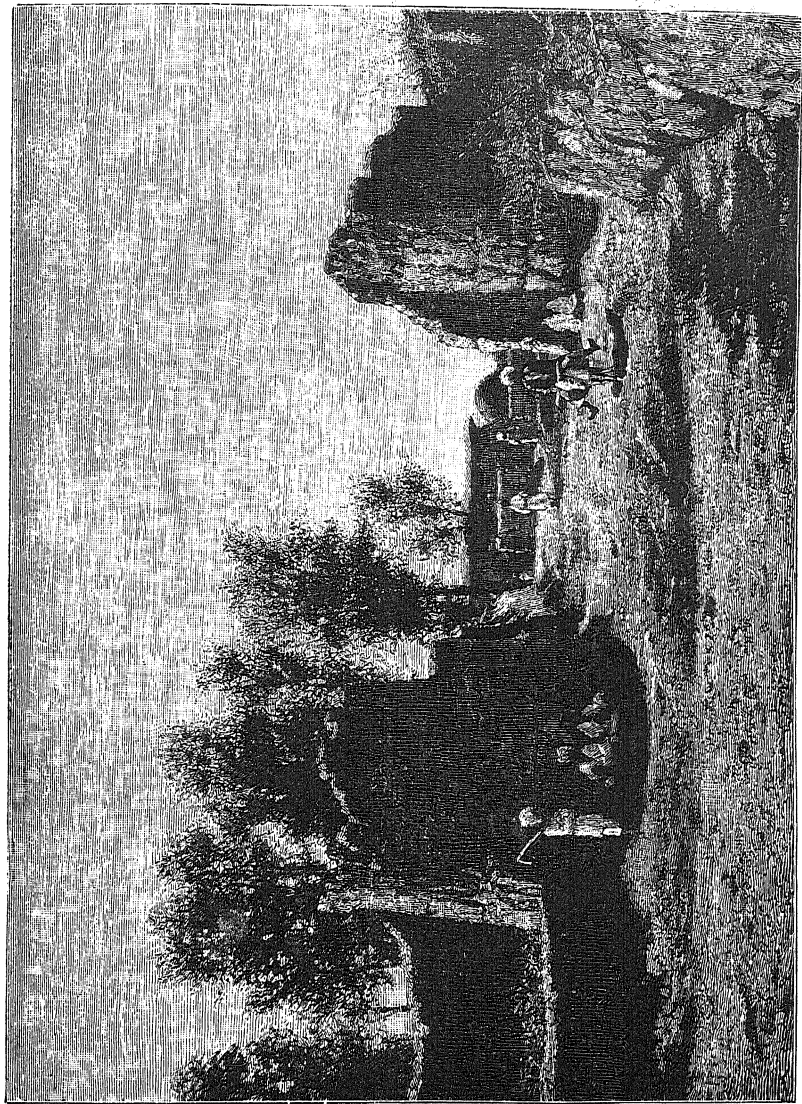
Очень многіе изъ жителей, чуть не половина, изрыты оспою; у многихъ на лицѣ и головѣ слѣды лишаевъ и другихъ кожныхъ болѣзней. Чтобъ не дать лишаю распространяться, намазываютъ пораженную ею часть сажею, и смѣшно видѣть, какъ иной мальчикъ бѣгаетъ съ фізіономіею на половину бѣлою, на половину черною.

Уморительная старуха явилась разъ ко мнѣ изъ одного сосѣдняго аула; хриплымъ голосомъ рассказала она: „что черви съѣли у нея маленькій язычокъ и теперь ужъ начали ѣсть печонку“, такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ ей *уста*, и что, поэтому, кричать и громко говорить она не можетъ; при этомъ чувствуетъ давленіе въ груди и боль въ горлѣ. Я хотѣлъ посмотреть на этотъ бѣдный маленький

язычокъ, но она завопила, взмолилась: „Не тронь, не тронь, Бога ради!“ — „Да отчего-же? я хочу только посмотрѣть, что у тебя тамъ“...— „Нѣтъ, нѣтъ, лучше подожди; я приведу сына; ты ужъ при немъ сдѣлай что надо; тогда, если я умру, такъ при немъ: онъ будетъ знать, что со мною дѣлать“...

Деревня Ходжагентъ расположена близъ Сыръ-Дарьи, въ сотнѣ шаговъ отъ нея: домъ, въ которомъ я живу, стоитъ на берегу арыка (арыкъ — канава), широкаго съ высокими берегами, ведущаго воду съ полей къ мельницамъ и потомъ въ Сыръ-Дарью. Набережная этого арыка, осаженная кое-гдѣ деревьями, составляетъ лучшую во всемъ селеніи улицу; на ней помѣщается, между прочимъ, одна изъ двухъ имѣющихся въ деревнѣ лавочекъ, около которой ежедневно, по вечерамъ, послѣ работъ, собирается народъ: кто просто посидѣть въ компаніи, кто поболтать, перекинуться словечкомъ, узнать новости, которыя, если только имѣются, непременно будутъ туда снесены, а кто поиграть въ игру, сходную съ нашею шашечною: прутикомъ расчерчиваются на землѣ фигуры, по которымъ ходятъ красенькими и сѣренькими камышками; я подсаживался иногда къ игрокамъ и, разумѣется, постоянно проигрывалъ, къ большому удовольствію и смѣху всей публики.

Въ тѣ дни, когда въ Чиназѣ базаръ, собраніе въ лавочкѣ бываетъ многолюднѣе и оживленнѣе; ѣздившіе на базаръ сообщаютъ собранныя тамъ новости и сплетни, а такъ какъ новостей и сплетенъ на всякомъ базарѣ больше, чѣмъ товару, то и матеріала для разговоровъ ходжагенцевъ, собиравшихся у лавочки, бывало не мало, притомъ, разговоровъ самаго разнообразнаго сорта, начиная отъ крупнаго, мѣстнаго политическаго событія до мелкой дневной новости. Одинъ разъ аксакаль, т. е. старшина (буквально аксакаль значитъ бѣлая борода, *акъ* — бѣлая, *сакалъ* — борода), пресерьезно сообщилъ мнѣ, что продавали-де нынче на базарѣ рыжую кобылу, продавали не просто, а съ барабаннымъ боемъ. Такъ какъ народу на базарѣ при этой продажѣ, вѣроятно, было не мало, то, безъ сомнѣнія, о продажѣ рыжей кобылы съ барабаннымъ боемъ, о ея цѣнѣ, лѣтахъ

Деревня Ходжагентъ, близъ Ташкента.

порокахъ, достоинствахъ и проч. узнали и толковали далеко по окрестности...

Кромѣ городовъ, базары еще бываютъ въ большихъ деревняхъ, и одинъ разъ въ назначенный день недѣли: по понедѣльникамъ, напримѣръ, базаръ бываетъ въ *этой* деревнѣ, по вторникамъ въ *той*, по средамъ въ *третьей* и т. д., такъ что каждый день можетъ крестьянинъ купить, что ему нужно, посплетничать, сколько душа его просить, не ѣздя для этого въ далеко отстоящій городъ. Въ Ходжагентѣ базаровъ не было потому именно, что онъ надалеко отъ Чиназа.

Садовъ въ Ходжагентѣ мало; улицы, кромѣ большой, о которой я упоминалъ, грязны, узки, и во время дождей просто непроходимы; дома, за исключеніемъ немногихъ зажиточныхъ, весьма жалкаго вида; они, какъ и всѣ, построены изъ земляныхъ комьевъ и грязи. Недалеко отъ моего дома была мечеть — небольшое, простое снаружи и внутри зданіице, каждое утро и вечеръ наполнявшееся крестьянами, совершавшими положенный намазъ. Я замѣчалъ, впрочемъ, что посѣщали мечеть далеко не всѣ жители, а больше только люди пожилые, старики.

Управленіе деревни сосредоточивается въ рукахъ старшины и казы (казы — духовное лицо, родъ судьбы); должности эти не выборныя, а по назначенію, и въ большинствѣ случаевъ, даже наследственныя — такъ, мой пріятель, Ташъ, аксакаль Ходжагента, наследовалъ должность отъ отца, который, въ свою очередь, получилъ ее отъ своего родителя, и т. д. При такомъ порядкѣ, управленіе, разумѣется, чисто патріархальное въ самомъ многозначительномъ смыслѣ этого слова: аксакаль и казы, на условіи взаимнаго дѣлежа, грабятъ народъ, и, сколько мнѣ ни случалось слышать, людей честныхъ въ томъ смыслѣ, какъ мы это слово понимаемъ, неліцепріятно, безъ взятокъ и поборовъ судящихъ и управляющихъ, между ними нѣтъ. Новое положеніе, введенное русскими, дѣлающее почти всѣ должности избирательными, безъ сомнѣнія, не по вкусу будетъ деревенскимъ аристократамъ, зато байгуши (бѣдняки) вздохнуть свободнѣе...

Работаетъ здѣшній крестьянинъ всякую работу допотопнѣйшими пріемами и орудіями. Вотъ, напримѣръ, недалеко отъ меня на арыкѣ меленка для очистки риса: два толстые куса дерева, окованные желѣзомъ, съ остріями, попеременно опускаясь и поднимаясь, бьютъ по зернамъ, насыпаннымъ въ углубленія, сдѣланныя въ землѣ и прикрытыя шалашемъ изъ камыша. Эти куски дерева приводятся въ движеніе какимъ-то подобіемъ колеса, съ шумомъ и скрипомъ медленно повертывающимся и попеременно то поднимающимъ, то опускающимъ деревини, бьюція по зернамъ.

Три раза послѣдовательно очищаютъ и просѣваютъ крупу, прежде чѣмъ она освободится отъ шелухи, и, благодаря способу очистки, изъ четырехъ батмановъ неочищенного риса получается только два очищенного. Это, впрочемъ, зависитъ и отъ сравнительно малаго орошенія здѣшнихъ рисовыхъ полей: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ орошеніе сильнѣе, зерно крупнѣе и въ очисткѣ получается его болѣе. За цѣлый день работы очищается совершенно едва два батмана зерна; но какъ и такихъ меленокъ немного въ окрестностяхъ, то крупу привозятъ для очистки въ ходжагентскую мельницу довольно издалека и платятъ за это одну шестнадцатую часть...

Случалось мнѣ видѣть, какъ гнуть ободъ колеса; хотя у здѣшнихъ арбъ колеса и большія, а потому и деревянные обручи, для нихъ служащіе, довольно плотны, тѣмъ не менѣе, жалко видѣть, какъ десять человекъ, буквально въ потѣ лица, цѣлый день возятся около одного такого обруча.

* *
*

Я поѣхалъ далѣе и пріѣхалъ въ мѣста поселенія киргизовъ таминскаго рода. По ихъ словамъ, когда-то, очень давно, предки ихъ пришли сюда войною съ запада, по окончаніи которой часть воротилась назадъ, а другая, неимѣвшая средствъ, осталась здѣсь. Теперь почти всѣ таминцы живутъ въ пространствѣ между Ташкентомъ, Чиназомъ и Ходжендомъ, занимаются хлѣбопашествомъ, и большая часть живетъ осѣдло круглый годъ. Типъ лица ихъ не киргизскій, или, если несправедливо называютъ здѣсь обыкновенно

осѣдлыхъ таминцовъ сартами, то и за кровныхъ киргизовъ принять ихъ трудно...

По обыкновенію, множество народа тотчасъ-же явилось къ намъ въ гости „пожелать здоровья“, и по мѣрѣ того, какъ раскладывались мои вещи и развѣчивалась моя собственная особа, любопытство моихъ собесѣдниковъ усиливалось: непремѣнно все имъ покажи, расскажи, въ чемъ я, разумѣется, не отказывалъ, и вотъ поднимаются выраженія удивленія на разные лады: одинъ щелкаетъ языкомъ и совершаетъ это очень долго, сначала быстро, потомъ все медленнѣе и медленнѣе, какъ бы замирая; другой вытаращитъ глаза и твердитъ протяжно „па! па! па! па! па!..“; третій весь какъ-то раскачивается; четвертый, наконецъ, просто нѣмѣетъ отъ удивленія и только повременамъ отряхивается, какъ отъ чертовщины.

Да какъ въ самомъ дѣлѣ и не удивляться! Еще складной ножикъ съ нѣсколькими клинками, складной зонтикъ, складной стулъ, положимъ, не такъ чудны; но вотъ, напримѣръ, складной карманный револьверъ *кичкине-митыкъ*, т. е. маленькое ружье — это такая удивительная вещь, которая дастъ бравому туземцу тѣму для разсужденій на всѣ лады, на многіе и многіе часы досуга...

Ангренъ протекаетъ подъ самую деревню, и переправить насъ черезъ него обѣщали на слѣдующее утро на *салъ*, плотикъ изъ камыша.

Ангренъ — небольшая рѣчка, впадающая въ Сыръ-Дарью; эти горныя рѣчонки, ничтожныя въ сухое время до того, что, какъ говорится, курица въ пору перейти въ бродъ, осенью, отъ дождей, и особенно весною, отъ таянія снѣговъ, такъ разбушевываются, что переправы черезъ нихъ дѣлаются если не невозможными, то крайне опасными. Именно черезъ одну изъ такихъ рѣчонокъ намъ предстояло теперь переправиться.

„Салъ у насъ хорошій; переправимъ живо“, говорятъ мнѣ; но на другое утро, когда я отиравился посмотрѣть этотъ хваленый салъ, онъ оказался преутлою штукаю: нѣсколько сноповъ камыша, плохо связанныхъ — все вмѣстѣ два квадратные аршина. Я далъ денегъ на камышъ, всѣ веревки отъ своего багажа и велѣлъ сдѣлать что-нибудь понадежнѣе.

Черезъ часть посудина была готова, увеличилась и площадью, и толщиной.

Вода неслась съ чрезвычайною быстротой; переправа предстояла не безъ-опасная и вся деревня высыпала смотрѣть на нее. Сначала пустили двухъ лошадей понадежнѣе, попробовать, какъ онѣ терпятъ воду; два киргиза въ однихъ только коротенькихъ штанишкахъ сидѣли на нихъ верхомъ. Когда лошади всплыли, ихъ страшно понесло течениемъ; но киргизы соскочили съ нихъ тогда и, держась одною рукою за гриву, другою за узду, ловко направляли на перерѣзъ воды; саженьяхъ въ тридцати ниже, они вошли на тотъ берегъ, потомъ, зайдя вверхъ, переправились обратно. Бѣдныя лошади дрожали все еще, отфыркивались и пугливо смотрѣли на воду; но имъ не дали опомниться, привязали къ хвостамъ нагруженный плотъ и снова пустили въ воду. Два человѣка плыли при лошадяхъ, пять или шесть кругомъ плота: шума не было — всѣ напряженно слѣдили за переправою; слышалось только сопѣнье и фырканье выбивавшихся изъ силъ лошадей.

„Плакали чемоданы мои“ думалъ, я, глядя вслѣдъ понесшемуся, какъ щеночка, салу — едва, едва не пронесло его мимо единственнаго отлогатаго мѣста того берега, къ которому можно было пристать; еслибъ это случилось, безъ сомнѣнія, погибли-бы и вещи, и лошади. Однако, выбрались на берегъ, затащили плотъ повыше противъ теченія, переправили на нашу сторону и на свѣжихъ лошадяхъ перетаскили и насъ съ остальнымъ добромъ.

Бѣдные киргизы страшно передрогли и запросили араку (водки); но такъ какъ его не оказалось, то мы напоили ихъ чаемъ и сами отправились дальше къ деревнѣ Бугѣ, до которой отсюда два таша, т. е. шестнадцать верстъ.

Кстати замѣчу, что употребленіе *таша*, какъ мѣры разстоянія, вошло здѣсь въ обыкновеніе со времени послѣдняго завоеванія Бокана Бухарою: *ташиг* — бухарская мѣра; прежде измѣряли пути днями и часами ѣзды; теперь начинаетъ входить въ употребленіе *чазримъ* — русская верста.

Путь нашъ лежалъ пашнями и лугами: не было ни дороги, ни

тропинки. На горизонтѣ было видно много кургановъ; Б. сталъ называть мнѣ ихъ всѣхъ по именамъ: „вотъ это Ак-Тубе (акъ—бѣлый, тубе—гора, сопка), вотъ тотъ Кок-Тубе (кокъ—синій, зеленый), а этотъ, самый высокій, Ханка“...

Ханка, о которомъ я еще прежде слышалъ, рисовался вдали громаднымъ силуэтомъ, и я, не долго думая, направился къ нему...

Долго-ли, коротко-ли ѣхали мы, но наѣхали на кочевку киргизовъ, въ которой остановились не надолго, отдохнули и подкрѣпились *гатыхомъ* (гатыхъ — кислое молоко). Кочевка принадлежала таминскимъ-же киргизамъ и смотрѣла очень бѣдно.

Я побродилъ по палаткамъ и въ нѣкоторыхъ былъ такъ нескроменъ, что развернулъ и раскрылъ всѣ мѣшечки, узелки, тряпочки, лежавшія по угламъ и висѣвшія по стѣнкамъ киботки: тутъ просо, немножко риса или конопля; тамъ шерсть, доскутки и разная хурда-мурда незатѣйливаго, неприхотливаго быта; стоитъ станокъ для пряжи хлопчатой бумаги, скатанной для этого въ трубочки. Я нарочно сказалъ, что не знаю употребленія этой машинки; хозяйка, пожилая киргизка, любезно сѣла и допряла начатый моточекъ; я выразилъ удивленіе, улыбнулся—улыбнулись и киргизы, вѣроятно, моей простотѣ.

На прощанье я отдалилъ бабусяю за ея вкусный гатыхъ платкомъ ярко-краснаго цвѣта, предметомъ, можетъ быть, давнишнихъ желаній ея дочери, которая, мимоходомъ сказать, во все время моего пребыванія въ юртѣ, сидѣла, забившись подъ одѣяла и разную рухлядь и только испуганнымъ, неровнымъ дыханіемъ давала знать о своемъ существованіи. Впрочемъ, фигура матери, становившейся въ позу курицы, защищающей своего цыпленка, передъ тѣмъ мѣстомъ, куда запряталась дочь, каждый разъ, какъ я приближался къ нему, давала понимать, что тутъ находится вещь, которую она съ меньшей готовностью допустить открытъ и посмотреть, чѣмъ мѣшечекъ съ просомъ или коноплею.

Около высокаго кургана Ханки, который мы видѣли издалека, разсыпано множество мѣньшихъ насыпей, заросшихъ травой, но безъ остатковъ какихъ-либо построекъ; только на одномъ виднѣется

одинокая могила какого-то аулие (святой), небольшая ограда недавней постройки, и надъ нею шесть съ лоскуткомъ матеріи.

Можно полагать, что тутъ былъ городъ, и городъ большой; высокій курганъ составляетъ сѣверовосточный уголь насыпи, служившей, вѣроятно, мѣстомъ расположенія крѣпости; совершенно ровные, круто и глубоко опускающіеся края этой почти квадратной насыпи были, надобно думать, валы, на которыхъ стояли стѣны. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ казалось возможнымъ распознать слѣды глубокаго пруда. По курганамъ валялось много обломковъ крупной и мелкой глиняной посуды, отчасти, можетъ быть, послѣ недавно бывшихъ здѣсь киргизскихъ зимовокъ; показались также мелкіе обломки костей, но не видно было никакихъ слѣдовъ древнихъ построекъ.

*
*
*

Бій (бій — почетное лицо) деревни Бука, у котораго мы остановились, за отсутствіемъ старшины, сообщилъ кое-что о Ханкѣ: „Отъ нашихъ стариковъ слышали мы, что тутъ жилъ когда-то *пади-шахъ* (государь) здѣшнихъ земель, по имени: *Ка-га-ха* (вѣроятно, отсюда сокращенное Ханка), но когда именно онъ жилъ — неизвѣстно, можетъ быть, тысячу, можетъ быть, двѣ тысячи лѣтъ назадъ“. — „А какой государь это былъ: мусульманъ *пади-шахъ* или кяфиръ *пади-шахъ*, т. е. мусульманскій государь или государь невѣрныхъ?“ — „Кяфиръ *пади-шахъ* урусъ, т. е. *пади-шахъ невѣрныхъ, русскій*“ (!) Я объяснилъ, что русскіе никогда прежде не владѣли этими мѣстами и теперь пришли сюда въ первый разъ и что, поэтому, или преданіе невѣрно, или истолковано не такъ — онъ повторялъ настойчиво, что преданіе именно таково; въ подтвержденіе вѣроятности этого, сказалъ, что сами русскіе, когда они, нѣсколько лѣтъ назадъ занимали *Той-Тюбе* и окрестныя мѣста, объявляли, будто-бы, что „*пришли снова занять свои давнишнія владѣнія*“. Откуда они взяли, что русскіе говорили подобную нелѣпность, и когда-то въ далекомъ прошломъ владѣли здѣсь — знаетъ Аллахъ.

Старикъ аксакаль, когда пріѣхалъ, подтвердилъ слова бія: рассказалъ, что здѣсь жилъ кяфиръ-пади-шахъ и именно урусъ. Когда

я опять возразилъ, что русскаго владѣтеля здѣсь не могло быть. Онъ отвѣчалъ, что, можетъ быть, это неправда, но что преданіе именно таково. „Лѣтъ пятьдесятъ назадъ — говорилъ онъ (старикъ теперь подѣ семьдесятъ) — я пасъ на тѣхъ мѣстахъ скотину и слушаемъ отъ многихъ доводилось слышать это. Городъ былъ большой, съ семью рядами стѣнъ (?). Лѣтъ тридцать назадъ, тамъ были еще кое-какія развалины глиняныхъ стѣнъ, не изъ хорошаго кирпича, а просто изъ комьевъ — должно быть, остатки могилъ и зимовокъ: слѣдовъ-же построекъ изъ хорошаго-то кирпича никто и не помнитъ. На моей памяти тутъ бывали скачки и разныя игры. На высокомъ курганѣ помѣщались почетныя лица — оттуда они могли удобно слѣдить за ходомъ игръ и отличать побѣдителей.

Старикъ говорилъ еще, что за Ара-Тюбе, въ горахъ, есть мѣсто, которое также называется Ка-ка-га, и тамъ, по преданію, были большія постройки и тамъ, будто-бы, владѣли когда-то *уруссы* (!).

Деревня Бука окружена рисовыми полями, въ это время года затопленными водою; тамъ и сямъ бродитъ народъ чуть не по полю, разбивая заступомъ большіе комья земли. Чтобъ на покатыхъ и неровныхъ мѣстахъ вода могла ровно напоить каждый уголокъ, все пространство, засѣянное рисомъ, раздѣлено на небольшіе, сажень въ пять или немного болѣе, квадратикъ; каждый такой квадратикъ обнесенъ узкимъ, въ двѣ или въ три четверти вышины, валикомъ, съ воротцами въ одномъ углу, такими маленькими, что кома земли достаточно, чтобъ завалить ихъ, когда понадобится запереть напускающую туда воду. Вода берется изъ большихъ арыковъ, проведенныхъ отъ Ангрена. Въ арыкахъ этихъ немало рыбы, довольно крупныхъ окуней, язей и др.

Разъ позвали меня посмотреть, какъ ловятъ рыбу. Кромѣ нѣсколькихъ взрослыхъ крестьянъ, пошла волонтерами огромная толпа ребятинекъ. Орудіемъ для ловли была простая сѣтка на палкѣ.

Старшіе рыболовы раздѣлись и въ однихъ кратчайшихъ штанишкахъ спустились въ арыкъ: одинъ сталъ держать сѣтку, другіе, зайдя немного выше, загонять въ нее рыбу — нѣчто въ родѣ нашей ловли *въ верши*, съ тою только разницею, что здѣсь операція по-

хитрѣе: ставятъ сѣтку и начинаютъ загонять въ нее рыбу только тогда, когда увидятъ ее. „Эй, сюда, сюда!“ кричитъ увидѣвшій какого-нибудь злополучнаго окуня. „Здѣсь, вотъ онъ стоитъ въ травѣ; вотъ, вотъ сейчасъ сюда ускочилъ!..“

При этомъ увидѣвшій и вся ватага бросаются за ускочившею рыбою, и, двигаясь по направленію къ сѣткѣ, шарятъ руками и ногами по всѣмъ ямамъ и зажорамъ. Другая рыба, ушедши отъ всего этого шума и гама, преспокойно прошла-бы между сѣткою и берегомъ, потому что тамъ всегда остается доброе пространство, но здѣшняя, которая или очень глупа, или черезчуръ ужъ добродушна, часто попадаетъ въ разставленную ей сѣть.

Въ одномъ мѣстѣ, двигаясь по арыку, набрали мы на запрудѣ, поднявшую воду въ верхнихъ частяхъ и спустившую въ низнихъ, проходившихъ нашу деревню; хозяева прилегающихъ къ этимъ мѣстамъ рисовыхъ полей устроили эту маленькую шалость, въ невинномъ желаніи сытѣе напоить свои поля, въ ущербъ своимъ сосѣдямъ, бугинцамъ. „Такъ вотъ отчего у насъ такъ мало воды! Разваливай, ребята, запруду!“ Большой и малый на „ура“ бросились вынимать колья, вытаскивать укрѣпленные между ними комья глины и дерна, и высоко скопившаяся вода съ шумомъ двинулась внизъ...

Въ одинъ хорошій, ясный день въ Букѣ былъ базаръ, на который съ утра отправилось все населеніе дома моего хозяина. Я пошелъ одинъ, не закупать что-либо, а такъ побродить, посмотреть.

Я говорилъ уже, что каждый день недѣли бываетъ базаръ въ которой-нибудь изъ окрестныхъ деревень: въ *Букѣ*, на примѣръ, базаръ по понедѣльникамъ, въ *Ак-Курганѣ* — по пятницамъ, въ *Пселентѣ* — по средамъ и т. д.

На базарной площади, около лавчонокъ, въ юоторыхъ обыкновенно не видно было ни души, теперь толпилось множество народа и коннаго, и пѣшаго, съѣхавшагося со всѣхъ окрестностей нестолько, разумѣется, для закупокъ, сколько для свиданія съ родными, знакомыми, для собиранія новостей и сплетень; иной изъ-за двадцати верстъ торопится, слѣшить, боится опоздать — для чего? чтобъ поглазѣть на толпу, цѣлый день проболтаться между гуторящимъ

народомъ, сунуть носъ во всё сдѣлки, продажи, мѣны, во всё споры, ссоры, если такія случатся, подставить свой ротъ подъ угощеніе, если оно предложится, и съ запасомъ свѣдѣній и спокойною совѣстью возвратиться во-своихъ.

Еврей въ Бука.

Вотъ, вытянувшись въ нѣсколько шеренгогъ, сидятъ работающіе веретеня, кто подъ шалашикомъ изъ цыновокъ, кто просто на солнцѣ. Они работаютъ безустанно на своихъ простенькихъ станочкахъ и едва успѣвають удовлетворять спросу туземныхъ дамъ, около нихъ толкущихся.

Евреи торгуютъ немного чаемъ и вообще всѣмъ, чѣмъ случится, но преимущественно сырымъ шелкомъ; они и торговцы краснымъ товаромъ, развѣсившіе свои яркія богатства по обѣимъ сторонамъ цѣлой линіи лавокъ, занимаютъ самую фешенебельную часть базара.

Туть-же безъ лавокъ, просто на землѣ, разложены *бязи* (бумажная матерія), разныя крашенныя ткани, множество халатовъ и многія принадлежности костюма. Туть-же лавочки съ зеркалацами, ножичками, огнивами, кожаными кошельками и разными разностями, разными мелочами. Невдалекѣ лавочки, въ которыхъ стряпаютъ и пекутъ превкусныя пирожки *самуса* и варятъ въ пару пельмени.

Мясники, торговцы коноплянымъ масломъ и выжимками и¹ другими, менѣе деликатными предметами держатся больше по краямъ базара; съ краевъ-же идетъ продажа лошадей, барановъ, коровъ, верблюдовъ и т. д.; здѣсь почти всѣ, и покупатели и продавцы, и мужчины и женщины, верхами.

Бродя тамъ и сямъ, я понакупилъ кое-какихъ мелочей, но больше прицѣнивался, присматривался и къ товарамъ, и къ фізіономіямъ самихъ продающихъ; съ другой стороны, и меня, въ моемъ европейскомъ пальто, осматривали съ немалымъ вниманіемъ и изумленіемъ и закидывали вопросами: „Кто ты? ногай (татаринъ)? откуда ты?“— „Ты купецъ?“— „Купецъ“, отвѣчаю.— „Чѣмъ торгуешь?“— „Всѣмъ понемногу“.— „Значить, разнымъ товаромъ?“.— „Да, разнымъ товаромъ“.— „Гдѣ твоя лавка? Въ Ташкентѣ есть у тебя лавка?“— „Есть“.— „А въ Чиназѣ есть?“— „Въ Чиназѣ нѣтъ“.— „А зачѣмъ ты эту чалму купилъ? веретеня эти тебѣ зачѣмъ?“...

Съ базара я зашелъ въ календарханъ, грязную избушку, стоящую въ прелестнѣйшемъ мѣстѣ, въ чащѣ деревьевъ на берегу широкаго арыка. Народа засталъ тамъ немного и то не постоянныхъ обитателей, а постороннихъ, захожихъ *bonvivants*; часть ихъ курила крѣпкій *наша*, другая спала въ растяжку, должно быть, послѣ лишняго приѣма кукнара. Постоянные обитатели календархана, диваны, отсутствовали; всѣ они на базарѣ, гдѣ ихъ остроконечныя шапки и отборныя лохмотья всюду виднѣются между народомъ.

Одинъ, я видѣлъ, таскаетъ въ чемъ-то, въ родѣ стараго шлема,

съ продѣтыми въ края веревочками, тлѣющую пахучую траву; онъ съ серьезнымъ видомъ, заботливо, какъ-бы дѣлая важное дѣло, обходитъ всѣхъ по очереди, всѣмъ подставляетъ это благовоніе, и потому-ли, что трава эта хорошо пахнетъ, или потому, что она изъ какого-нибудь священнаго мѣста — никто не отказывается опустить въ дымъ свои руки, а потомъ провести ими по лицу и по бородѣ; но обычную чеху за это подаетъ не всякій.

Передъ какимъ-то тучнымъ человѣкомъ, рассчитывавшимся мелкими деньгами и необращавшимъ на него вниманія, дивана мой остановился и немилосердо обкуривалъ его, въ ожиданіи подачи. Я хотѣлъ посмотрѣть, кто изъ нихъ, отказывающій или просящій, лучше выдержитъ характеръ, но такъ и не дождался; когда я отошелъ, простоявши на мѣстѣ добрый десятокъ минутъ, первый все еще возился съ деньгами и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ нищаго; второй продолжалъ надѣлать его благоуханіями, въ чапніи — Богъ не безъ милости — одной чехи...

Изъ новостей, ходившихъ на базарѣ, была одна крупная: именно рассказывали, что эмиръ бухарскій въ Самаркандѣ и готовится воевать съ Россією. Я посмѣлся тогда вздору, какимъ показалось мнѣ это извѣстіе, но оно оказалось вскорѣ, если не совсѣмъ справедливымъ, то близкимъ къ тому.